

Дмитрий Бак

«Не дотянуться до нового солнца...»

* * *

Ветер толкает снаружи окно
солнечным утром предбывшего Рима,
многое, как в теореме, дано
только в той мере, как необходимо
знать о дуге, поворотом крутым
соединяющей два горизонта:
в точке, где, тесно сомкнувшись, стоим, –
не дотянуться до нового солнца;

но проявляется мутный чертеж
утра и лета Господнего anno
Domini номер одиннадцать; ждешь
нет, не от Павла, а от Иоанна
шепота раннего, плача звезде,
слова, касания первого, – снится,
наше дитя; дотянувшись до стен,
тихо толкает пустые границы
влажно-прозрачные там, изнутри,
внутренним взором до зрения – точно
видя и слыша, что мы говорим
в Риме предбывшем и за оболочкой,
за руки взявшись, не меч, но миры
перекрывая двуспинными снами,
тесно крест-накрест насквозь пронзены
вдоль Иоанновыми словами.

Благовещенье

С.

Тебя, не померкнув, отметило слово,
что раньше всех сил, у начала в горсти
толпилось, не вымолвлено, – простого,
как ветер, вздоха не в силах снести;

прости, не поспею за этим, навечно
застывшим в воздухе с гор до пят,
ничейным шепотом, бывшим речью
и ставшим вещью в себе; тебя

теперь узаконившим – долгим эхом,
по слуху звук подобранным к снам
о том, что дитя у царских в веке
сегодняшнем снова придет назад;

опять с проступающим половодьем
несолоно справлюсь, а впереди
младенец плещет, как пароходик, –
приходит милостыней на пути.

* * *

едва под вечер скажется молва
что тесный день растаял христа ради
но вымолвлены твердые слова
кто смел как сорок тысяч наиграть им
у длинной тени тучных тощих лет
сюжет про скудный хлеб в пустыне желтой
песком полуобъят и нет примет
ни сеющих добро ни вскрика вóт рай

не в том беда что валовый не в два
в морских волнах певучесть есть и шорох

течет отсчет обратный свет и тьма
неразличимы зрением тяжелым
четвертый рим собою рассечен
по биссектрисе ранней рваной раной
крестовых битв прилив-отлив сошел
и нет побед в последних снах корана
и с каждым днем умноженный стократ
неслышный голос ближе к новоселью
не я мой свет а божий мир богат
приди на помощь моему неверью

* * *

адов скрежет зарею корежит туман,
за пузырчатым сном ариаднина нить;
и тогда еле слышно присвистнул фома:
то, что больше не держит, – не соединить.

знаешь, что́ коченеющий мелхиседек,
в предпоследний прощаясь с рассветною тьмой,
завещал? на ногах не стоит человек,
ветер роет волну, серный дух за кормой.

если весь вавилонский неброский словарь
(даже крайнюю ижицу!) взять на просвет –
слитный гул перекроет чем пропись жива,
фет напомнит: прискорбно, но страшного нет.

понимаешь чем свет, что́ сгущается вдоль
застекленных изгибов, как злые пески, –
то – торопится, сыплется мелкой бедой
захлебнувшийся вдох и не слышно ни зги.

Москва

